

I. БИБЛЕЙСКИЙ ТЕКСТ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО

УДК 821.161.1.09(092)

БИБЛЕЙСКАЯ ПРОФЕТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА

Л. Л. Авдейчик

*Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь, milar25@gmail.com*

Статья посвящена изучению библейской профетической традиции, проявившейся в философском, критическом и поэтическом наследии Владимира Соловьева. Рассматривается процесс воплощения мистического опыта прозрения в потустороннее и осознание творчества как теургического действия в метакритике Соловьева. Анализируется специфика художественной рецепции ветхозаветных сюжетов через актуализацию образа пророка в его поэтических произведениях. Выясняются причины особого интереса поэта-философа к феномену профетизма.

Ключевые слова: Владимир Соловьев; метакритика; теургия; символическая поэзия; рецепция; библейские образы и сюжеты; профетическая традиция.

THE BIBLICAL PROPHEPIC TRADITION IN THE LIFE AND WORK OF VLADIMIR SOLOVIEV

L. L. Avdeychik

*Belarusian State University,
st. K. Marksa, 31, 220030, Minsk, Belarus, milar25@gmail.com*

The article is devoted to the study of the biblical prophetic tradition, which was manifested in the philosophical, critical and poetic heritage of Vladimir Solovyov. The process of embodiment of the mystical experience of insight into the otherworldly existence and the awareness of creativity as a theurgic action in Solovyov's metacriticism is considered. The specificity of the artistic reception of Old Testament subjects is analyzed through the actualization of the image of the prophet in his poetic works. The reasons for his special interest in the phenomenon of prophetism are clarified.

Key words: Vladimir Solovyov; metacriticism; theurgy; symbolic poetry; reception; biblical images and plots; prophetic tradition.

«И вот приходит страшное, отчаянное состояние — мне и теперь вспомнить тяжело, — совершенная пустота внутри, тьма, смерть при жизни. Все, что может дать отвлеченный разум, изведено и оказалось не-

годным, и сам разум разумно доказал свою несостоятельность. Но этот мрак есть начало света; потому что когда человек принужден сказать: я ничто, — он тем самым говорит: Бог есть все... Вера слуха заменяется верой разума: как самаряне в Евангелии: „Уже не по твоим речам веруем, но сами поняли и узнали, что он истинный спаситель мира, Христос“» [7, с. 45], — писал в одном из писем молодой Владимир Соловьев после того, как пережил глубокий духовный кризис. Осознав тупиковость атеистического мировоззрения как «смерть при жизни», поэт-философ стал настоящим апологетом веры в среде русской интеллигенции второй половины XIX века. С целью обоснования своих убеждений, а также для разрешения сложных онтологических и теологических вопросов, он нередко обращался и в жизни, и в творчестве к свету Евангелия, к мощи Ветхого завета — к Богу, воплощенному в Слове.

Соловьев хорошо знал Библию. Получив блестящее светское образование в Московском государственном университете и защитив диссертацию по философии, он углубил свои знания, прослушав курс лекций в Московской духовной академии, а впоследствии много времени уделял самостоятельному изучению библейской истории, владел ивритом. «Он прочел всю Библию в оригинале и в конце жизни пытался сделать ее полный перевод» [12, с. 216], — отмечал племянник философа С.М. Соловьев в своих воспоминаниях. Потому цитация и интерпретация библейского текста стала неотъемлемой частью многих философско-религиозных, публицистических и литературно-критических работ Соловьева: к опоре на библейский текст автор обращается в письмах, статьях и более масштабных трудах — «Чтения о Богочеловечестве», «Духовные основы жизни», «История и будущность теократии», «Три речи в память Достоевского», «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории со включением „Краткой повести об антихристе“» и других. При этом поэзия Соловьева всегда сосуществовала с его теоретическими концепциями: философ писал стихотворения на протяжении всей жизни. Но будучи, как всякое творчество, в большей степени иррациональным, оно часто выходило за рамки строгих логических схем и умозрительных построений: в стихотворениях проявилась художественная рецепция отдельных библейских образов, сюжетов и мотивов, важнейших для понимания картины мира поэта и его духовных ориентиров.

Использование Соловьевым библейских образов в стихотворениях было не просто иллюстративным поэтическим приемом, но попыткой художественно воссоздать и переосмыслить отдельные события, знаковые для истории взаимоотношений Бога и человека. И здесь важно, что Соловьева всегда интересовали метафизические механизмы процесса богопознания, в котором ключевую роль выполняет фигура поэта-мистика,

близкого к библейскому пророку. «Ветхозаветное пророческое служение профетизм (от греч. *prophètes* — „человек, говорящий от чьего-то лица“; в данном случае — от лица Божия) является неотъемлемой частью библейской истории, непременно предполагающей определенный способ взаимосвязи Бога и человека. Профетизм в самом общем и широком смысле этого слова обнимает собой все те формы, путем которых Бог открывает Свою волю человечеству» [5].

Библейская профетическая традиция стала основой творчества Соловьева и ключом к пониманию всей его жизни: ему была близка тайна прозрения человека в мир духовный, а затем — передача полученного духовного опыта другим людям доступными средствами: проповедью, философским и поэтическим творчеством, всей своей жизнью.

Действительно, профетическое начало нашло свое воплощение в поэзии, критике, философии, но истоки его — в биографии Соловьева, что было определено необычным откровением, пережитым им неоднократно: «С ранних лет (ему еще не было 10 лет) у него начался особый, мистический опыт. Он стал видеть какое-то женское существо космического характера и переживал встречу с ним, как встречу с Душой Мира. Больше никогда Вл. Соловьев не верил, что мироздание — это механическое, что это агрегат вещества. Он видел Душу Мира!» [3, с. 417]. Полученный визионерский опыт впоследствии лег в основу самого крупного и значительного поэтического произведения Соловьева — лирико-философской поэмы «Три свидания» (1898), в которой «через оригинальный образ лирического героя-медиума сверхреальное проникает в реальное, метафизическое взаимодействует с физическим, а весь мир предстает как синтез духовного и материального начал, явленный в „одном лишь образе женской красоты“» [1, с. 17]. Безусловно, пережитые видения усилили интерес поэта к вопросам профетической направленности художественного творчества, которые он затрагивает в своей критике, и к образу пророка, который он выводит в своих стихах. Начнем с критики.

Основанная на принципах метафизического идеализма эстетическая программа Соловьева, представленная, прежде всего, в его литературно-критических статьях, может быть определена как метакритика, поскольку она базируется на соотнесении процесса творчества с постижением высших трансцендентальных начал бытия.

Специфику литературной метакритики Соловьева определяет особый методологический подход автора, обосновывающего и последовательно разъясняющего метафизический смысл литературного процесса, теургическую роль творческой личности в нем, профетизм художественного творчества: критик являлся философом, поэтом и отчасти — проро-

ком, и стремился раскрыть не поверхностные видимые явления, а «саму сущность идеи под соблазном пленительной формы» [9, с. 351]. Истинное творчество предстает в работах Соловьева как мистический акт «общения с высшим миром» [10, с. 116] и называется «свободной теургией или цельным творчеством» [10, с. 117], задачи которого — в воплощении художником вечного идеала — Божественной красоты. Не каждый писатель (поэт) способен на это, а потому Соловьев особенно выделяет творчество А. Пушкина, А. Мицкевича, М. Лермонтова, А.К. Толстого, Ф. Достоевского, Ф. Тютчева, А. Фета, Я. Полонского. Поскольку в их творчестве, по мнению Соловьева, нередко удается реализовать основной профетический принцип — «преображение материи чрез воплощение в ней другого, сверхматериального начала» [9, с. 97], то есть достичь «выражения содержания идеального» [9, с. 99], «воплощенной идеи, лучшая половина нашего реального мира, именно та его половина, которая не только существует, но и заслуживает существования» [9, с. 100]. При этом художественные произведения должны быть прекрасны, но воплощать особую — деятельную — красоту: «эстетически прекрасное должно вести к реальному улучшению действительности» [9, с. 91]. Значительному усовершенствованию жизни служит, по теории Соловьева, только творец подлинно прекрасного, в произведениях которого красота одновременно синтезирует в себе и абсолютную истину, и высшее добро: «Дело поэзии, как и искусства вообще, — не в том, чтобы „украшать действительность приятными вымыслами живого воображения“, как это говорилось в старинных этиках, а в том, чтобы воплощать в осязательных образах тот самый высший смысл жизни, которому философ дает определение в разумных понятиях, который проповедуется моралистом и осуществляется историческим деятелем, как идея добра» [9, с. 287]. Этот профетический принцип творчества стал определяющим и в философских, и в литературно-критических работах Соловьева, и, конечно, реализовался в его поэзии.

Использование поэтом-философом в стихотворениях библейских образов и сюжетов было не просто иллюстративным поэтическим приемом, но, прежде всего, попыткой переосмыслить, постичь глубокий духовный смысл отдельных событий, знаковых для истории взаимоотношений Бога и человека.

К некоторым стихотворениям Соловьев брал в качестве эпиграфов отрывки из Священного Писания: «Да не будут тебе бози иные, разве Мене» (Исх. 20:3) — к стихотворению «Око вечности»; «И помни весь путь, которым вел тебя Превечный, Бог твой, по пустыне вот уже сорок лет» (Втор. 8:2–4) — к стихотворению «На том же месте»; три эпиграфа — из Книги Бытия, Евангелия от Луки и Апокалипсиса — позволяют

глубже раскрыть символический смысл стихотворения «Знамение». Следует отметить особую профетическую окраску избираемых потом библейских цитат. Тот же принцип работает и с выбором ветхозаветных образов и сюжетов.

Один из наиболее известных ветхозаветных сюжетов о переселении Авраама в землю Ханаанскую (Быт. 12–13) становится основой стихотворения «В землю обетованную» (1886). Само событие осмысляется как ключевое для истории богоизбранного народа, поскольку с него начинается непрерывный диалог с Создателем, кульминацией которого станет получение первого Завета — заключение добровольного союза человека с Творцом, основанного на справедливости. За покорность и верность Господь обещает Аврааму вознаграждение — землю обетованную и великое потомство, но для этого требуется ответное усилие со стороны человека — оставить все привычное и дорогое, и, беспрекословно повинаясь голосу свыше, направиться в неизвестное. «Так Исход становится материализацией Завета: достичь обетования можно только через Исход» [6, с. 203]:

Покинь скорей родимые пределы,
И весь твой род, и дом отцов твоих,
И как стрелку его покорны стрелы —
Покорен будь глаголам уст моих.
Иди вперед, о прежнем не тоскуя,
Иди вперед, все прошлое забыв,
И все иди, — доколь не укажу я,
Куда ведет любви моей призыв... [8, с. 26].

Почти все стихотворение построено как монолог Бога, обращенный к Аврааму. Но, несмотря на многократное (более десяти раз) использование императивов «иди», «уйди», «поспешай», в словах Всевышнего не чувствуется жесткого приказа. Напротив, монолог пронизан сочувствием, поддержкой («Я навеки с тобой...») и особой любовью, жертвенной, новозаветной. Такой окраски данного события нет в Ветхом Завете, где упор в словах Господа делается все же на вознаграждении за следование божественному замыслу: «...и Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и будешь ты в благословение...» (Быт. 12:2), «...ибо всю землю, которую ты видишь, тебе дам Я и потомству твоему навеки, и сделаю потомство твое, как песок земной...» (Быт. 13:15–16). Безусловно, здесь Соловьев как глубоко верующий христианин переосмысливает ветхозаветное событие о призыве Авраама в свете новозаветной этики. С этой точки зрения, целью начинающего движение станет появление Мессии — Того, кто принесет спасение всем

людям, то есть самого Христа. И хотя имя Спасителя прямо не упоминается в стихотворении, но именно о Нем идет речь в последних строках. Таким образом, ветхозаветные события оцениваются с позиции новозаветной истории, а само стихотворение приобретает прообразовательное значение:

Се, я клялся собой,
Обещал я, любя,
Что воздвигну всемирный мой дом из тебя,
Что прославят тебя все земные края,
Что из рода потомков твоих
Выйдет мир и спасенье народов земных [8, с. 27].

Название и центральное событие другого стихотворения библейской тематики «Неопалимая купина» (1891) отсылает к не менее известному ветхозаветному сюжету — явлению Господа Моисею в горящем и негорающем терновом кусте, из которого был слышен глас Божий (Исх. 3:1–4). На этот раз стихотворение построено на монологе самого свидетеля божественного откровения — Моисея:

Я раб греха. Но силой новой
Вчера весь дух во мне взыграл,
А предо мною куст терновый
В огне горел и не сгорал.

И слышал я: «Народ мой ныне
Как терн для вражеских очей,
Но не сгореть его святыне:
Я клялся Вечностью Моей» [8, с. 31].

Однако неопалимая купина — это не просто узнаваемый опоэтизированный библейский образ, но и важный христианский символ. В богословской традиции он нередко интерпретируется как аллегория Богородицы. Хорошо известна чудотворная икона Божией Матери, именуемая «Неопалимая Купина», а в акафисте этой иконе есть следующие слова: «...ты же, о Богомати, купино неопалимая нами именуемая...» [4, с. 83]. А если вспомнить учение поэта-философа о Вечно-женственном начале бытия, включающее и преклонение перед образом Пресвятой Девы (достаточно вспомнить цикл стихотворений Соловьева «Хвалы и моления Пресвятой Деве»), то вполне вероятно, что и символ неопалимой купины у поэта приобретает софийные черты.

Поскольку в Библии нет явных сведений о Софии за исключением, пожалуй, отдельных символических фрагментов, Соловьев как раз и пы-

тается вскрыть древние пласты иудейских текстов. Так, в третьей части своего труда «Россия и Вселенская Церковь» философ стремится доказать существование сведений о Премудрости Божией, Душе Мира, в канонических ветхозаветных текстах, ссылаясь, прежде всего, на «Притчи Соломоновы»: «Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий своих, искони; от века я помазана, от начала, прежде бытия земли» (Притч., 8, 22–23).

В этом отношении интересно и стихотворение «У царицы моей есть высокий дворец...», которое в символично-поэтической форме кодирует знания о Софии. Наряду с довольно распространенными образами-символами цветущих в саду роз и лилий (атрибутикой Вечной Женственности), здесь появляется и парафраза из библейского текста «Притчей»: «Премудрость выстроила себе дом, вытесала семь столбов его...» (Притч., 9, 1):

У царицы моей есть высокий дворец,
О семи он столбах золотых,
У царицы моей семигранный венец,
В нем без счету камней дорогих.

И в зеленом саду у царицы моей
Роз и лилий краса расцвела... [8, с. 12].

Таким образом, сведения о Софии в стихотворениях Вл. Соловьева чаще скрыты, закодированы: при попытке передать эзотерическое знание поэт прибегает к библейским символам, наполняя их мистическим значением, или даже к опосредованным ссылкам, аллюзиям, парафразам. Но интересен здесь и образ лирического героя, который наделен профетическими чертами и прозревает этот софийный свет.

Стихотворение «В стране морозных вьюг, среди седых туманов...» (1882) — это еще одно поэтическое переложение известного ветхозаветного профетического сюжета о явлении Бога пророку Илие на горе Хорив (3 Цар. 19:11–12). Знаменательно, что на этой же горе Божией ранее произошло и видение Моисея, но теперь могущественный иудейский Бог открывается человеку не в «раздирающем горы и сокрушающем скалы» ветре, не в грохоте землетрясений, не в устрашающем пламени, к чему привык ветхозаветный человек, а в совсем новом своем качестве — как «глас хлада тонка» (по выражению церковнославянской Библии):

Вот грохот под землей и гул прошел далеко,
И меркнет солнца свет,
И дрогнула земля, и страх объял пророка,

Но в страхе Бога нет.

... И смолкло все, укрощено смятенье,
Пророк не даром ждал:
Вот веет тонкий хлад, и в тайном дуновенье
Он Бога угадал [8, с. 69–70].

Стихотворение строится на контрасте, который отражает ломку привычной, во многом языческой традиции изображать Бога «в громах и молниях». Напротив: Бог приходит к пророку в тишине и душевном покое как к равному собеседнику. Именно это место в Ветхом Завете богословская традиция рассматривает как начало эволюции образа Бога — от грозного Иеговы в сторону новозаветных представлений. Соловьев не отступает от подобного понимания, и природная образность «тайного дуновения», «тонкого хлада» становится символом нового уровня восприятия Бога — духовной профетической чуткости, позволяющей постичь небесное откровение в более тонких формах, подготавливающей взрослеющую душу к приближению великой тайны Боговоплощения.

В рассмотренных стихотворениях («В землю обетованную», «Неопалимая купина», «В стране морозных вьюг, среди седых туманов...») использованы три известных ветхозаветных сюжета из жизни праотцев Авраама и Моисея и пророка Илии. Несмотря на определенные различия, названные сюжеты объединены главным действующим лицом — самим Богом, открывающимся человеку в различных ипостасях. По словам самого Соловьева, «весь Ветхий Завет представляет историю личных отношений являющегося Бога (Логоса или Иеговы) с представителями иудейского народа — его патриархами, вождями и пророками» [11, с. 217]. В развитии этих отношений Соловьев в «Чтениях о Богочеловечестве» прослеживает определенную эволюцию — «последовательность трех ступеней» [11, с. 217], трех этапов развития: осознание веры в единого личного Бога (Авраам), действительное воплощение веры и высшего откровения в жизнь (Моисей), предчувствие и возведение прихода Мессии (Илия и другие пророки). Каждый из этапов этой эволюции нашел отражение и в поэтическом творчестве философа — в трех выше-названных стихотворениях, написанных в разное время, но составляющих определенное тематическое единство.

Осмысление Соловьевым проблемы взаимоотношений Бога и человека вполне закономерно: для поэта-философа мистически притягательной оставалась библейская профетическая традиция — тайна откровения, возможности общения с Богом, с миром тонким, духовным, сквозь «грубую кору вещества» земной материи. Сохранилось немало воспоминаний самого Соловьева и его друзей о видениях, посещавших философа

на протяжении всей его жизни. Наиболее значимые откровения Соловьева о духовных мирах носили софийный характер и были описаны им в ряде стихотворений «Вся в лазури сегодня свилась», «Близко, далеко, не здесь и не там», «Око вечности», «Сон наяву» и в уже упомянутой поэме «Три свидания». Эти мистические прозрения были для поэта, по его собственному признанию, «самым значительным из того, что случилось в жизни» [8, с. 86], но поведать «обманчивому миру» трудновыразимую тайну этих переживаний поэт смог только в художественном пространстве своих поэтических произведений:

Не веруя обманчивому миру,
Под грубою корою вещества
Я осязал нетленную порфиру
И узнавал сиянье Божества... [8, с. 80].

А. Долин в своей монографии «Русское мессианство», говоря о Соловьеве, справедливо заметил: «Великий мыслитель, безусловно, ощущал себя пророком в классическом библейском толковании этого понятия. Боговдохновенность стала исходным постулатом его учения и заняла центральное место в образной системе его поэзии» [2, с. 119].

Вероятно, в профетическом опыте ветхозаветных праотцев и пророков Соловьев находил нечто духовно близкое для себя: и великую радость Божественного откровения, и трепетное преклонение пред горним миром, и одновременно — осознание несовершенства земного бытия, обреченность на непонимание и злое осуждение со стороны людей, которые не допускают возможности мистического опыта, а потому не способны понять провидца. Более того, и во внешнем облике Соловьева, в силе отстаиваемых им убеждений и некой отрешенности от земного существования современники нередко отмечали черты пророка: «в наружности его было что-то величавое, библейское, он напоминал Моисея» [12, с. 226]. Но со свойственной ему самоиронией Соловьев довольно скептически оценивал подобное к себе отношение:

Я в пророки возведен врагами,
На смех это дали мне прозвание... [8, с. 20].

И все же Соловьев стал пророком своего времени, возвращая силу и мощь библейским истинам, напоминая русскому обществу XIX века, все более увлекающемуся новомодными атеистическими веяниями, о христианских истинах. Евангельские идеи пронизывают все творчество Соловьева, о чем бы он ни писал. Слова этого удивительного поэта и философа, призывающие ко всеобщему единению в Боге, пронизанные светом

истинной христианской любви, и сегодня продолжают звучать пламенно, вдохновенно, пророчески:

Смерть и Время царят на земле, —
Ты владыками их не зови;
Все, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви. [8, с. 23].

Библиографические ссылки

1. *Авдейчик Л. Л.* Реальное и метафизическое в поэме Владимира Соловьева «Три свидания» // Анализ одного произведения: сб. науч. статей. Минск : ИВЦ Минфина, 2020. С. 5–18.
2. *Долин А. А.* Русское мессианство. Пророческие, мессианские, эсхатологические мотивы в русской поэзии и общественной мысли. СПб. : Алетейя, 2023.
3. *Мень А.* Владимир Соловьев // Мировая духовная культура. Христианство. Церковь. Лекции и беседы. М. : Фонд им. А. Меня, 1995. С. 413–428.
4. *Праздники* в честь чудотворных икон Пресвятой Богородицы. М. : Изд-во «Отчий дом», 1996.
5. *Рынковой И. В.* Философско-религиозный анализ сущности и характера библейского пророчества [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-religioznyy-analiz-suschnosti-i-harakterabibleyskogo-profetizma> (дата обращения: 25.09.2024).
6. *Синило Г. В.* Древние литературы Ближнего Востока и мир Танаха (Ветхого Завета). Минск : ЗАО Издательский центр «Экономпресс», 1998.
7. *Соловьев В. С.* Из писем // Владимир Соловьев: Pro et contra. Антология: В 2 т. СПб. : Изд-во РХГИ, 1995. Т. 1. С. 43–56.
8. *Соловьев В. С.* Стихотворения и шуточные пьесы // Соловьев В. С. Собр. соч.: В 12 т. Брюссель : Изд-во «Жизнь с Богом», 1970. Т. 12.
9. *Соловьев В. С.* Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М. : Книга, 1990.
10. *Соловьев В. С.* Философские начала цельного знания // Избранные произведения / сост.: А. Н. Елыгин, С. Н. Липовой. Ростов н/Д. : Феникс, 1998. С. 68–121.
11. *Соловьев В. С.* Чтения о богочеловечестве. СПб. : Азбука, 2000.
12. *Соловьев С. М.* Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция. М. : Республика, 1997.